

На переломе — эпизод 14 из 27

Слышно, как Федченко цепляется за рукав Арапа и как Арап отталкивает его локтем.

Ну, чего в самом деле прлистал? Сказано: убирлайся, и убирлайся. Я у тебя на прошлой неделе прлосил мячик, а ты мне что сказал?

Ей-богу, Арапчик, не мой мячик был. Вот тебе крест не мой. Это Утконоса был мячик, а он не велел никому давать. Ты знаешь, я тебе всегда с удовольствием... Ну, Арапчик, дай же откусить кусочек.

Неизвестно, что надоедает Арапу: шоколад или приставанье товарища, но он неожиданно смягчается.

Черлт с тобой, кусай. Вот до этих пор, где я ногтем дерлжу. На.

Ишь ты, ловкий. Обсосанный конец даешь, обижается Федченко. Дай с другого.

А! Не хочешь не нужно.

Ну, ладно уж, ладно, испуганно торопится Федченко. Давай, все равно. Скупердяй.

Слышится хрустение откусываемого шоколада и ожесточенное чавканье.

Спустя минуту опять слышится молящий голос:

А что же апельсинчика-то, Арапчик? Дай хоть пол-ломтика.

Но конца этой торговли Буланин уже не слышит. Перед его глазами быстрым вихрем проносятся городские улицы, фотограф с козлиной бородкой, Зиновкины гаммы, отражение огней в узкой, черной, как чернило, речке, Грузов, пожирающий курицу, и, наконец, милое, кроткое родное лицо, тускло освещенное фонарем, качающимся над подъездом... Потом все перемешивается в его утомленной голове, и его сознание погружается в глубокий мрак, точно камень, брошенный в воду.

Нравственная характеристика. Педагогика и собственный мир. Имущество и живот. Что значит дружить и делиться. Форсировали. Забывали. Отчаянные. Триумфировали. Солидные. Силачи.

Каждые три месяца все воспитатели и учителя гимназии собирались, под председательством директора, внизу, в общей учительской, на педагогический совет. Там устанавливались воспитательные и учебные приемы, определялось количество уроков по различным предметам, обсуждались важнейшие проступки воспитанников. Ввиду последнего каждый отделенный воспитатель обязан был вести характеристики своих воспитанников. Для этого ему и выдавались, по числу гимназистов его отделения, несколько десятков синих с желтыми корешками тетрадок, на

обложке которых печатным шрифтом было обозначено:1

Нравственная характеристика

Имя:

Фамилия:

Воспитателю оставалось только заполнить на обложке пустые места и затем излагать общими фразами свои бесхитростные наблюдения. И воспитатель, добросовестно относясь к своему долгу, писал: золотое сердце, но ленив крайне; видно дурное влияние домашней среды (и это чаще всего писалось в характеристиках); с небольшими способностями, но весьма старательный и так далее. Затем успехи в науках и благонравие поощрялись на публичном акте 30 августа похвальными листами и разрозненными томами Брема, а лентяев, шалунов и порочных оставляли без отпуска, лишали обедов и завтраков, ставили под лампу, ставили за обедом к барабанщику, сажали в карцер и даже изредка посекали. И все это взятое вместе составляло, по мнению начальства, твердо обдуманную воспитательную систему, принятую педагогическим советом на основании глубокого и всестороннего изучения вверенных его руководству детских натур и прочного доверия, питаемого воспитанниками к их воспитателям.

А между тем внутренняя, своя собственная жизнь детских натур текла особым руслом, без ведома педагогического совета, совершенно для него чуждая и непонятная, вырабатывая свой жаргон, свои нравы и обычаи, свою оригинальную этику. Это своеобразное русло было тесно и точно ограничено двумя недоступными берегами: с одной стороны всеобщим безусловным признанием прав физической силы, а с другой также всеобщим убеждением, что начальство есть исконный враг, что все его действия предпринимаются исключительно с ехидным намерением учинить пакость, стеснить, урезать, причинить боль, холод, голод, что воспитатель с большим аппетитом ест обед, когда рядом с ним сидит воспитанник, оставленный без обеда...

И как это ни покажется странным, но свой собственный мальчишеский мирок был настолько прочнее и устойчивее педагогических ухищрений, что всегда брал над ними перевес. Это уже из одного того было видно, что если и поступал в число воспитателей свежий, сильный человек с самыми искренними и гуманными намерениями, то спустя два года (если только он сам не уходил раньше) он опускался и махал рукой на прежние бредни.

Капля за каплей в него внедрялось убеждение, что эти проклятые сорванцы действительно его вечные, беспощадные враги, что их необходимо выслеживать, ловить, обыскивать, стращать, наказывать как можно чаще и кормить как можно реже. Таким образом собственный мир торжествовал над формалистикой педагогического совета, и какой-нибудь Грузов с его

устрашающим давлением на малышей, сам того не зная, становился поперек всей стройной воспитательной системы.